

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
Н. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

8-ое ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ новаго редактора, М. Драгоманова. — 2) Связь между статьями 8, 9, 10 и 11-ой. — 3) Слухи во тѣмъ египетской. — 4) Конецъ Добровольной Охраны. — 5) Волненія студентовъ кіевского университета въ ноябрѣ 1882 г., (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 6) Отъ редакціи. — 7) Администратія и судъ. (Вѣсти изъ Кіева). — 8) Земскіе проекты. I. Проектъ Костромскаго губ. земства о мѣстномъ управленіи. — 9) Письма изъ Австрійской Украины: Отъ редакціи. I. Крестьянскіе стремленія и мечты; расчеты на войну съ Россіей. — 10) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. I. Ц. — 11) Быть или не быть парламентаризму? В. Гольштейн. — 12) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ въ Франціи. IV. Союзъ рабочихъ и социалистическія фракціи. Н. Жебунева.

Женева, 8 января 1882.

Съ настоящимъ номеромъ «Вольное Слово» вступаетъ въ третій (гражданскій) годъ своего существованія. Передъ читателями лежитъ уже 51 номеръ газеты, по которымъ они могутъ судить о развитіи ея содержанія, о ея характерѣ и цѣляхъ. Основанная прежде всего съ цѣлью дать высказаться всѣмъ отбѣткамъ общественной мысли, которые душила цензура въ Россіи, эта газета въ то же время имѣла въ виду поддерживать въ сознаніи народовъ, населяющихъ Россію, повсемѣстно обнаружившіяся въ нихъ стремленія къ выходу изъ угнетающаго ихъ политическаго порядка, — или, лучше, безпорядка, — посредствомъ преобразованія Россіи на такихъ началахъ, которые дали бы возможность какъ индивидуумамъ, такъ и коллективамъ въ этихъ населеніяхъ безопасно жить и безпрестанно работать для усовершенствованія условій своей жизни. Начала эти: политическая свобода, т. е. неприкосновенность правъ личныхъ и національных и самоуправленіе общественныхъ группъ, отъ меньшихъ: общинъ, волостей и уѣздовъ — до общирныхъ: областей, и, наконецъ, союза ихъ, — цѣлаго государства. Разъясненію этихъ началъ въ примѣненіи къ Россіи посвящена была большая часть статей, помѣщенныхъ въ «Вольномъ Словѣ» не только по внутреннимъ вопросамъ, но и по

поводу явленій жизни иностранныхъ государствъ, которые могли служить для Россіи прямымъ или косвеннымъ поученіемъ.

Изъ явленій жизни иностранной «Вольное Слово» обращало особенное вниманіе на событія и положеніе дѣлъ въ странахъ сосѣднихъ съ Россіей и населенныхъ племенами родственными съ славянскими большинствомъ ея населенія. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія, что международная будущность Россіи и сосѣднихъ съ ней и единоплеменныхъ странъ тѣсно связаны между собою, и что рабство внутри Россіи неизбежно отражается и на ея сосѣднихъ единоплеменникахъ, ослабляя какъ ея, такъ и ихъ внутреннія силы, и понижая обоюдное ихъ международное значеніе. Затѣмъ, въ жизни иностранной усиленное вниманіе «Вольнаго Слова» было обращено на различныя проявленія такъ наз. социальнаго вопроса. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія редакціи, что этотъ вопросъ, первостепенной важности во всемъ мірѣ, представляется важнымъ и для Россіи, особенно въ виду преобладающаго, такъ сказать, мужицкаго состава ея населенія, а также въ виду существованія въ ней въ общирныхъ размѣрахъ общинной формы землевладѣнія, въ которой мыслители разныхъ политическихъ направленій ищутъ теперь основы для упрядоченія социальна-экономическихъ отношеній. Редакція «Вольнаго слова» была убѣждена, что вопросы социальна-экономическіе должны привлечь къ себѣ усиленное вниманіе общественныхъ группъ въ населеніяхъ Россіи, но полученіи ими, при политической свободѣ съ самоуправленіемъ, возможности заняться устройствомъ своихъ дѣлъ. И такъ какъ теперешній запретительно-полицейскій строй въ Россіи создалъ цѣлый рядъ недоразумѣній относительно явленій социальна-экономической жизни и борьбы общественныхъ слоевъ, которая ведется теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ и составляетъ разные стороны социальнаго вопроса, —

то редакція «Вольнаго Слова» рѣшила прежде всего способствовать разсѣянію этихъ недоразумѣній изображеніемъ, въ возможной для небольшого изданія полнотѣ, самыхъ разнообразныхъ проявленій социальнаго вопроса и отношеній къ нему различныхъ партій въ болѣе свободныхъ странахъ. Съ этою цѣлью «Вольное Слово» давало картины отношеній къ социальному вопросу какъ консервативно-религіозныхъ партій, въ родѣ Австро-Германскихъ антисемитовъ, такъ и революціонно-социалистическихъ партій, обращая особое вниманіе на проявленія самоорганизации и самостоятельности народныхъ массъ и на связь социальна-экономическаго вопроса съ вопросами политическаго и административнаго самоуправления, которое одно можетъ дать основы для правильнаго и возможно мирнаго разрѣшенія социальна-экономическихъ противорѣчій.

Приобрѣтеніе этого самоуправления въ Россіи составляетъ первую цѣль общества «Земскій Союзъ», при помощи котораго основана была газета «Вольное Слово» и котораго программа, развиваемая уже по частямъ въ разныхъ статьяхъ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при «Вольномъ Словѣ». Такъ какъ настоящій редакторъ «Вольнаго Слова», съ самаго начала своей литературной дѣятельности, въ Россіи и за-границей, поставилъ себѣ цѣлью служить изложеннымъ выше началамъ, которые лежали въ основаніи изданія «Вольнаго Слова», то онъ и не затруднился принять на себя редакцію названной газеты съ настоящаго №-ра. Такимъ образомъ перемѣна редакціи «Вольнаго Слова» не произведетъ существенныхъ измѣненій въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что составъ ближайшихъ сотрудниковъ изданія остается и впредь тотъ же, который былъ въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ.

Постоянные читатели «Вольнаго Слова» замѣтили, конечно, постепенное увеличеніе

въ этой газетѣ статей сотрудниковъ, болѣе или менѣе постороннихъ редакціи и отличающихся отъ нея нѣкоторыми отгѣнками мнѣній. Какъ было уже сказано, помѣщеніе голосовъ такихъ сотрудниковъ входило въ цѣли нашего изданія съ самаго начала его основанія. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что число такихъ сотрудниковъ и впредь будетъ возрастать въ «Вольномъ Словѣ». Главная цѣль послѣдняго — агитация словомъ (единственнымъ орудіемъ для литературнаго предпріятія, да еще заграничнаго) въ пользу установленія въ Россіи политической свободы — составляетъ въ настоящее время общій членъ программъ различныхъ группъ среди мыслящихъ людей въ Россіи всякихъ національностей. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ группахъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія относительно не только способовъ пріобрѣтенія, но и дальнѣйшаго пользованія упомянутой свободой и самыхъ ея вышнихъ формъ. Но программа, предполагающая не только поверхностное измѣненіе формы центрального правительства, а также, — и даже главнымъ образомъ, — глубокое преобразование всего общественного строя на началахъ свободы личной и самоуправления даже самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, представляетъ то удобство, что она даетъ наиболѣе простора для всѣхъ идейныхъ разнообразій и практическихъ опытовъ. Къ такой программѣ естественно должны бы пристать всѣ, кто желаетъ, при предстоящемъ Россіи измѣненіи ея политическаго строя, простора для своей искренней мысли и честной дѣятельности, а не властвованія надъ другими. Мы можемъ увѣрить всѣхъ такихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что они найдутъ, для изложенія своихъ мыслей и плановъ, самый дружескій пріемъ на страницахъ редижируемаго нами изданія.

М. Драгомановъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на идейную связь, какаа открывается при чтеніи столь различныхъ, по видимому, вещей, какъ печатаемыя дальше: проектъ Костромскаго земства о крестьянскомъ (или, собственно, всеобщемъ) мѣстномъ управленіи, письмо изъ Галиціи съ свѣдѣніями о стремленіяхъ крестьянъ къ громадской автономіи и о равнодушіи ихъ къ перешедшей болѣе или менѣе бюрократической и сословной конституціи, статья «Быть или не быть парламентаризму?», показывающая кризисъ, къ какому зап.-европейская практика привела либерализмъ, который не отрѣшился отъ бюрократическихъ идей стараго самодержавно-монархическаго порядка, и, наконецъ, въ статьѣ «о рабочихъ союзахъ и пр. во Франціи» данныя о томъ, какъ желаніе революціонныхъ якобинцевъ обезпечить индивидуальную свободу и равенство способами регламентаціи и опеки со стороны власти привело къ величайшимъ

стѣсненіямъ именно тѣхъ слоевъ народа, о которыхъ такъ заботились эти революционеры. Матеріалъ всѣхъ этихъ статей съ разныхъ сторонъ затрагиваетъ все одинъ вопросъ, разработкѣ котораго посвящены преимущественно страницы «Вольнаго Слова», — вопросъ дѣйствительной политической свободы и самоуправления, — организаціи правленія дѣйствительно народнаго и при томъ дѣловаго и способнаго къ безпрепятственному прогрессу, въ виду порожденія новыхъ условий жизни и потребностей населенія. Сегодня мы не имѣемъ достаточно мѣста, — но въ будущемъ мы еще не разъ возвратимся къ синтезу матеріала, изложеннаго въ названныхъ и подобныхъ имъ статьяхъ.

Слухи во тѣмъ египетской. Предсвятоточный подарокъ, который сразу поднесло министерство гр. Толстого русской печати: — предостереженіе «Голосу», пріостановка «Р. Курьера» и отнятіе розничной продажи у «Моск. Телеграфа», — показываетъ, что съ усиленіемъ густоты египетской тѣмы, которая окончательно окутала Россію подъ управленіемъ трехъ фараоновъ, Побѣдоносцева, Каткова и Толстого, всякая гласность, которая бы освѣщала настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, должна прекратиться. Раздраженное общество за то питается слухами, болѣе или менѣе злобскаго характера. Такъ, изъ Петербурга пишутъ намъ, что тамъ упорно держатся слухи, что въ Казани убито отъ 5 до 8 студентовъ, — и что, въ виду возбужденнаго настроенія молодежи и извѣстной части общества, правительство предполагаетъ объявить въ столицѣ осадное положеніе. Тамъ же, въ Петербургѣ, распространились слухи объ аграрномъ движеніи въ Минской губерніи, о которомъ нѣтъ ни намека въ газетахъ. Въ одномъ изъ сель (въ какомъ?) крестьяне, оставленные по уставу грамотѣ безъ выгона, обобранные штрафами за потравы, вышли изъ терѣбія и, срубивъ семь десятинъ барскаго лѣса, устроили на нихъ себѣ выгонъ. Становой съ урядниками были крестьянами избиты; та же участь постигла будто бы и исправника и вице-губернатора. Тогда явилась военная сила, которая, конечно, и усмирила бунтовщиковъ.

Конецъ Добровольной Охраны. По свѣдѣніямъ изъ Петербурга, Добровольная Охрана, оффиціозная, распушена и замѣнена Охраной вполнѣ оффиціальной, въ которую могутъ, конечно, поступать и волонтеры, но уже вполнѣ чиновники. Не смотря на все, что до сихъ поръ писано было о всѣхъ этихъ консервативныхъ крамолахъ: Св. Дружинахъ, Охранахъ и т. п., все таки въ представленіи о нихъ многое остается не яснымъ, — а потому мы не беремся судить о томъ, сколько вѣрнаго и въ вышеприведенномъ извѣстіи. Во всякомъ случаѣ, если вѣрны свѣдѣнія, которые сообщались и нами изъ довольно вѣроятныхъ источниковъ, — а именно, что Добр. Охрана не лишена была извѣстныхъ политическихъ стремленій, — хотя бы только Фадѣевского земскаго духа, — то тѣмъ болѣе можно порадоваться ея окончательному крушенію. Опричинна чистая, съ собачьими головами, — скорѣе демаскируетъ настоящее поло-

женіе дѣлъ въ Россіи и скорѣе доведетъ монархію до кризиса, чѣмъ опричинна съ разными голубиными и масличными украшеніями.

ВОЛНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ ноябрѣ 1882 г.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Тревожно начался для студентовъ Кіевского университета 1882^{2/3} академическій годъ. Еще въ августѣ мѣсяцъ ходилъ по Кіеву упорные слухи о томъ, что совѣтъ университета выберетъ доцента Шварца заѣзжающимъ акушерской клинкой и поручитъ ему чтеніе лекцій по теоріи акушерства. Слѣдующее избраніе Шварца въ доценты, всѣмъ извѣстное совмѣстительство его (онъ состоитъ главнымъ врачомъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на каковую должность требуется не акушеръ, а хирургъ), отсутствіе какихъ бы то ни было научныхъ трудовъ Шварца (его избиратели докладывали совѣту университета, что Шварцъ обѣщавъ сдѣлать какой-то переводъ; такой переводъ сдѣланъ, но безобразно, неграмотно, неумѣло, съ полнымъ незнаніемъ элементарныхъ вещей по акушерству, — объ этомъ заявлено въ одномъ медицинскомъ журналѣ), — все это заставило студентовъ сильно безпокоиться по поводу замѣщенія кафедры акушерства и заѣзжанія акушерскою клинкой. Шварцъ оказался избраннымъ въ обѣ должности. На первую лекцію Шварца, читанную въ обширной первой аудиторіи, явилась масса студентовъ. Чтеніе должно было длиться два часа, но уже къ концу перваго часа студенты начали уходить изъ аудиторіи, а во время чтенія во второмъ часу слышался уже такой шумъ, что Шварцъ прекратилъ чтеніе, сказавши студентамъ, что ему нѣтъ времени и что лекцію онъ докончитъ въ другой разъ. Читалъ Шварцъ лекцію по нѣмецкой книгѣ, при чемъ не говорилъ ничего и не отрывалъ глазъ отъ книги до тѣхъ поръ, пока не успѣвалъ сдѣлать подстрочный переводъ нѣмецкаго учебника. На вторую лекцію явилось уже меньше студентовъ — и то болѣе изъ любопытства, но и эти любопытные ушли до окончанія перваго часа, а отъ втораго часа за присутствіемъ только пяти — шести слушателей. Шварцъ отказался и самъ, снова заявивъ, что ему нѣтъ времени. Студенты III курса собрали курсовую сходку, на которой и порѣшили предложить Шварцу оставить чтеніе лекцій, такъ какъ посѣщать ихъ никто изъ студентовъ III курса не будетъ. Шварцъ, разумѣется, оказался нахаломъ и поспѣшилъ студентамъ, что «пошумите, побушуете и начнете посѣщать лекціи». Въ другой разъ, когда уже и студенты IV курса заявили Шварцу, чтобы онъ оставилъ клинику, Шварцъ напомнилъ находящимся около него студентамъ, что онъ имѣетъ прекрасную «способность за поминанія лицъ». Дѣло дошло до свѣдѣнія университетскаго начальства и проректоръ прежде всего напомнилъ стипендіатамъ, что непосѣщеніе лекцій Шварца можетъ окончиться отнятіемъ стипендій, а за снмъ далъ совѣтъ студентамъ выйдти изъ затруднительнаго положенія — посѣщать по очереди лекціи Шварца. Швар-

ду почему то вздумалось объявить студентам III курса, что лекции имъ будутъ читаться въ клиникѣ, вмѣстѣ со студентами IV курса. Явились студенты въ клинику удивлялись въ познаніяхъ Шварца, какъ акушера-хирурга. Онъ дѣлалъ очень серьезную операцію больно, которой нужно было наложить швы въ фистулѣ. Операцію эту онъ сдѣлалъ поразительно неумѣло, не умѣлъ даже наложить швы и продолжалъ эту возмутительную работу съ 10 часовъ утра до 3 часовъ по полудни, но работы не окончилъ и оставилъ въ клиникѣ безпомощную больную. На страдальческія крики больной Шварцъ отвѣчалъ ругательствами. Больная, истекавшая кровью, просила студентовъ лучше убить ее, чѣмъ отдавать на терзаніе Шварцу. На другой день возмутительная операція продолжалась — и опять неудачно. Не говоря уже о неумѣнии наложить швы, Шварцъ не умѣлъ употребить надлежащихъ инструментовъ, — онъ употребилъ вдвое большую, чѣмъ слѣдуетъ, иглу и не только, что не зашилъ фистулы, но расправилъ ее еще больше. Кромѣ того, употребилъ столько хлороформа, сколько никто не употреблялъ, по крайней мѣрѣ студенты не запомнятъ подобной по безобразію операціи со всѣми ея хирургическими приемами. Студенты требовали экспертовъ хирурговъ и акушеровъ и еще разъ предложили Шварцу удалиться изъ клиники и рѣшили не посѣщать практическихъ занятій, — по на это Шварцъ отвѣчалъ, что его избрали факультетъ и совѣтъ, а не студенты и что, слѣдовательно, ему нѣтъ никакого дѣла до студентовъ, которыми почему-то хочется, чтобы читали лекціи разные Петровы, Ивановы и проч. Дѣло кончилось ничѣмъ, хотя Шварцъ сдѣлалъ формальное заявленіе, въ факультетскій совѣтъ о бунтѣ студентовъ. Заявленіе не докладывалось въ совѣтъ, и только проректоръ и деканъ заявили студентамъ не официально, что въ слѣдующемъ семестрѣ Шварцъ читать лекцій не будетъ. Послѣ этого студенты III курса взяли назадъ свое рѣшеніе, и воспользовавшись совѣтомъ проректора, предложили студентамъ посѣщать лекціи кому угодно. Но изъ 150 человѣкъ нашлся только одинъ желающій; IV же курсъ по необходимости долженъ былъ посѣщать практическія занятія въ клиникѣ. Не успѣли студенты опомниться отъ ужасныхъ теоретическихъ и практическихъ лекцій Шварца, какъ вдругъ онъ явно тенденціозно выступилъ въ «Кіевлянину» защитникомъ доцента Пихна, только что обвиненнаго въ диффамаци, клеветѣ и злословіи и присужденнаго за это къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы и 100 рублямъ штрафа.

Присужденіе Пихна къ тюремному заключенію заставило его подать въ отставку и побѣзнилъ. Студенты могли только радоваться такому благополучному, мирному избавленію университета и студентовъ отъ г. Пихна, какъ вдругъ совѣтъ университета большинствомъ 23 голосовъ противъ 12 (пять завѣдомыхъ противниковъ Пихна не присутствовали въ засѣданіи *) проситъ Пихна взять прошеніе объ отставкѣ обратно, причемъ просьба большинства мотивируется прямо тенденціозно. Больной Пихно немедленно послѣ

рѣшенія совѣта выздоровѣлъ и взялъ свое прошеніе обратно. Еще, значитъ, подлилъ профессора масла въ горячій матеріалъ.

Въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ одинъ изъ студентовъ г. Ч—скій обратился къ ректору, проф. Рахманинову, съ просьбой о ходатайствѣ выдать изъ общества вспомошествованія студентамъ пособіе на одежду. Ректоръ принялъ студента словами: «за чѣмъ вы поступили въ университетъ, когда у васъ нѣтъ средствъ? Поступайте въ приказники, рабочіе, въ лакеи — будете имѣть заработокъ». Студенты поставили на видъ ректору его возмутительное обращеніе со студентомъ, но ректоръ угрожалъ студентамъ исключеніемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоялось засѣданіе общества для вспомошествованія студентамъ; въ обществѣ этомъ присутствуютъ въ качествѣ членовъ и выборные представители отъ студентовъ. Ректоръ начинаетъ держать рѣчь, въ которой высказываетъ, что подобныя благотворительныя общества поощряютъ пошлячество и споспѣвуютъ тому, что университеты заполняются дѣтми дьячковъ, мѣщанъ, крестьянъ и другихъ немущихъ классовъ, что только обременяетъ общество. Еще раньше этого, руководствуясь такими мотивами, ректоръ былъ противъ устройства вечеровъ, спектаклей въ пользу кассы общества вспомошествованія студентамъ. Кромѣ того, ректоръ предложилъ не избирать больше представителей отъ студентовъ, а оставить прежнихъ. Такимъ образомъ ректоръ хотѣлъ измѣнить самыя существенныя задачи общества вспомошествованія студентамъ. Представители отъ нѣкоторыхъ курсовъ заявили студентамъ о томъ, что они не желаютъ больше оставаться членами-сореволюционными общества, такъ какъ участіе ихъ тамъ оказывается малополезнымъ и, кромѣ того, имъ приходится выслушивать самыя возмутительныя рѣчи о студенчествѣ, нуждающемся въ матеріальной помощи. Фактъ съ поступкомъ кіевского ректора въ обществѣ для пособія недостаточнымъ студентамъ совпалъ съ движеніемъ студентовъ, случившимся въ казанскомъ университетѣ и, какъ извѣстно, тоже по поводу матеріальной помощи студентамъ, движеніемъ, отразившимся и на петербургскомъ студенчествѣ. Присоедините сюда свирепую исторію, въ которой фигурируютъ профессора: Сидоренко, Субботинъ, Гаринъ-Гаринскій, присоедините исторію на кирпичномъ заводѣ проф. Субботина — и вы увидите напряженное состояніе кіевского студенчества. Во время этого напряженнаго состоянія прямо вызваннаго кіевскими университетскими порядками и поведеніемъ профессоровъ, получено было обстоятельное извѣщеніе о движеніи въ петербургскомъ университетѣ, движеніи, начавшемся еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Извѣщеніе это обрисовывало мотивы движенія и возмутительныя приемы начальства университета и полицейскаго при разслѣдованіи, тушеніи этого движенія, — движенія, вызваннаго главнымъ образомъ глупымъ адресомъ кучки студентовъ Полякову.

Кіевскіе студенты рѣшили собрать сходку, каковая и состоялась во вторникъ, 16 ноября. На этой сходкѣ должны были быть прочтаны двѣ редакціи заявленій о своихъ требованіяхъ, одну изъ которыхъ студенты долж-

ны были одобрить для представленія ректору. Сходка состояла изъ 800—900 студентовъ. Не успѣли прочесть приготовленныхъ заявленій, изъ которыхъ одно было болѣе рѣзко и опредѣленно, а другое болѣе обще и менѣе опредѣленно, какъ кто-то крикнулъ, что на сходкѣ присутствуютъ шпионы. Между тѣмъ въ одномъ углу сборной залы топтали уже ногами и тянули за волосы чрезъ залу какого-то человѣка, а другой стремглавъ успѣлъ убѣжать. Оказался избитымъ одинъ изъ университетскихъ служителей, наряженный очевидно для подслушанія, ибо на вопросъ о томъ, кто онъ такой, отвѣтилъ сначала, что студентъ. За общей суматохой обратили мало вниманія на редакціи заявленій, совѣтъ почти по поводу нихъ не дебатировали и приняли слѣдующую редакцію заявленія:

«Русскому обществу отъ Студентовъ Университета Св. Владимира. На общемъ собраніи 16 ноября 1882 г. студенты Кіевского Университета постановили высказать г. Ректору слѣдующія свои мнѣнія и требованія, о которыхъ считаютъ необходимымъ заявить всему обществу, студентамъ Университетовъ и гг. Попечителю и Министру Народнаго Просвѣщенія.

1. Назначеніе Университета совершенствовать науку и давать обществу подготовленныхъ умственно и нравственно дѣятелей. Профессорская корпорація нашего университета, являющаяся его представительницей, не только не стремится къ осуществленію своего высокаго назначенія, но, побуждаемая эгоистическими и своскорыстными интересами, обратила храмъ науки и истины въ храмъ служенія мамонѣ. Какъ по отношенію къ научнымъ требованіямъ, такъ и въ смыслѣ студенческихъ и общественныхъ интересовъ она обнаруживаетъ полнѣйшій индифференцизмъ. Она возводитъ на кафееры по преимуществу людей бездарныхъ и нравственно несостоятельныхъ, руководствуясь не свободной конкуренціей знаній и талантовъ, а протекціей и личными связями. Лучшія силы, дѣйствительные представители науки, устраниваются изъ-за партійныхъ интересовъ. Большинство членовъ этой корпораціи стремится исключительно къ наживѣ и возможно лучшей эксплуатаціи въ свою пользу того высокаго положенія, которымъ они пользуются въ обществѣ. Одни изъ нихъ всецѣло погружаются въ банковыя операціи, другіе размѣниваютъ на мелкую монету медицинскую науку, третьи торгуютъ истиной, совѣстью и своими убѣжденіями.

Имѣя все это въ виду, мы, студенты Кіевского Университета выражаемъ свое полное порицаніе подобному образу дѣйствій большинства изъ членовъ профессорской коллегіи, считая ихъ поведеніе безнравственнымъ, унижительною и позорнымъ для Университета. Разумѣется, все выше сказанное отношется къ тѣмъ немногимъ изъ профессоровъ, которые заслуживаютъ полное уваженіе своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу науки и къ интересамъ студенчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ заявить, во избѣжаніе недоразумѣній, что, порицая большинство изъ наличнаго состава нашей профессорской корпораціи, мы тѣмъ не менѣе вполне сочувствуемъ принципу университетскаго самоуправленія.

*) Почему? Не имѣли мужества выступить противъ г. Пихна? (Ред.)

2. Въ виду того, что г. Ректоръ, судя по выраженіямъ, употребленнымъ имъ въ одномъ изъ засѣданій «Общества для всоможествованія студентамъ», въ которомъ онъ занимаетъ постъ председателя, не только не сочувствуетъ тѣмъ изъ студентовъ, которые не обладают достаточными средствами, но даже считаетъ большимъ зломъ для Университета наполненіе его сыновьями дьяковъ, крестьянъ и проч., въ виду того, что онъ смотритъ на упомянутое общество, какъ на такое учрежденіе, которое развиваетъ между студентами «попрошайничество» — мы изъявляемъ ему свое нежеланіе имѣть его ректоромъ Университета и предлагаемъ ему оставить этотъ постъ, а также и должность председателя въ названномъ обществѣ.

3. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее заявленіе будетъ послано г. Министру Нар. Просв., г. Почетителю Кіевскаго Учебн. Округа, многимъ гг. Профессорамъ, студентамъ другихъ Университетовъ, въ редакціи важнѣйшихъ періодическихъ изданій и вообще будетъ распространено среди общества въ возможно большемъ количествѣ, мы заявляемъ свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ Казанскаго и Петербургскаго Университетовъ, считая дѣйствія со стороны начальства этихъ заведеній возмутительными, а мѣры насилія, принятія администраціей, безчеловѣчными.

Заявленіе это было отгектографировано съ слѣдующей прибавкой:

«17 ноября. Въ видахъ возстановленія истинны, искаженной мѣстными охранительными органомъ («Кіевляниномъ»), заявляемъ слѣдующее: 17 ноября въ то время, когда полиція втерлась, студенты не только не общались г. Почетителю (какъ сказано въ «Кіевлянинѣ») прекратить на будущее время всякія сходы, но прямо и рѣзко заявили ему, что не разойдутся, пока не удалится полиція. Когда послѣднее требованіе студентовъ было исполнено, они разошлись, такъ какъ въ этотъ день собственно организованной сходы обстоит. и не требовалось. Такимъ образомъ студенты вполне сохранили за собой свободу дальнѣйшихъ дѣйствій».

Заявленіе это признано неудачнымъ и рѣшено было гектографировать новое, слѣдующаго содержанія:

«16 ноября 82 г. студенческая сходка, состоявшая изъ 800—900 ч., рѣшила послать г. Ректору Университета Св. Владимира слѣдующее заявленіе:

1) Цѣль Университета двигать науку и давать обществу умственно и нравственно подготовленныхъ и полезныхъ дѣятелей. Профессорская collegія нашего Университета, являющаяся его представительницею — не только не стремится къ осуществленію этой цѣли и добросовѣстному исполненію своего высокаго назначенія, но, исказивши принципъ широкаго самоуправленія, наиболѣе соответствующій задачамъ Университета, пользуется имъ для достиженія своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, эгоистически эксплуатируя свое высокое социальное назначеніе во вредъ наукѣ, самому учрежденію и интересамъ общества.

Лучшія силы, дѣйствительные представители науки, устраниются отъ кафедръ из-за партійныхъ интригъ или религіознаго антагонизма. Главнѣйшій принципъ свободной науки —

свободная конкуренція знаній и талантовъ замѣненъ путемъ протекціи и частныхъ связей съ избирателями, которыми возводятся на кафедры личности часто неспособныя, бездарныя, а иногда нравственно несостоятельныя. Понятно, что такіе профессора или кандидаты въ профессора, считая профессорское призваніе только средствомъ сдѣлать выгодную карьеру, относятся крайне небрежно къ наукѣ, выказывая единственное стремленіе къ возможно быстрой наживѣ. Одинъ изъ нихъ, въ ущербъ наукѣ, всецѣло отдается думскимъ дѣламъ и банковымъ операціямъ, другіе разбиваются на мелкую монету медицинскую науку, третьи торгуютъ истиной, совѣстью и убѣжденіями.

Примѣръ подобныхъ просвѣтителей и руководителей юности не можетъ не дѣйствовать развращающимъ образомъ на молодое студенчество, проводя тенденціи узкаго, эгоистическаго матеріализма, — такъ что Университетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на молодежь приноситъ обществу не пользу, а безусловный вредъ, деморализируя его лучшія, свѣжія силы, его надежду въ будущее, — молодое поколѣніе.

По отношенію какъ къ наукѣ, такъ и къ частнымъ интересамъ студенчества профессорская collegія обнаруживаетъ или полный индифферентизмъ, или даже стремленіе къ возможно большему ограниченію студенческихъ правъ. Вообще своимъ образомъ дѣйствій профессорская collegія какъ бы оправдываетъ и проводитъ въ жизнь ту нелѣпную идею, что студенчество существуетъ для профессоровъ, а не профессора для студенчества.

Имѣя въ виду все вышесказанное, мы, студенты Кіевскаго Университета св. Владимира, выражаемъ чрезъ г. ректора передъ лицемъ общества, дѣтьми и воспитанниками котораго мы себя считаемъ — наше полное порицаніе подобному образу дѣйствій большинства членовъ профессорской collegіи, считая ихъ не желающими добросовѣстно исполнять обязанности, возложенныя на нихъ обществомъ и признавая ихъ поведеніе безнравственнымъ и позорнымъ для Университета.

Личнымъ считаемъ замѣтить, что это не относится къ тѣмъ немногимъ профессорамъ, которые своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу заслужили полное уваженіе студентовъ.

2) Студенты предлагаютъ нынѣ существующему ректору г. Рахманинову оставить этотъ постъ, равно какъ председательство въ обществѣ вспоможенія недостаточнымъ студентамъ. Заявленіе это основано на небрежномъ отношеніи его, какъ представителя университета, къ интересамъ студенчества вообще, а къ интересамъ матеріально необеспеченныхъ студентовъ въ частности. Послѣднее выразилось въ изъявленіи нежеланія съ его стороны способствовать увеличенію средствъ недостаточныхъ студентовъ устройствомъ обычныхъ баловъ и концертовъ въ Думѣ, а въ особенности высказанными въ предпослѣднемъ засѣданіи общества далеко не просвѣщенными и крайне антигуманными воззрѣніями, которыми онъ указываетъ, что считаетъ общество учрежденіемъ позорнымъ для Университета и что оно развиваетъ попрошайничество между студентами и даетъ

возможность сыновьямъ дьяковъ, прикащиковъ etc. проникать въ Университетъ въѣздомъ того, чтобы занимать соответствующія имъ мѣста околоточныхъ, дворниковъ, пекарей, etc.

3) Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее заявленіе будетъ послано г. Министру Народнаго Просвѣщенія, г. Почетителю Кіевскаго Округа, многимъ гг. профессорамъ и студентамъ другихъ университетовъ, въ редакціи многихъ газетъ и вообще будетъ распространено среди общества въ возможно большемъ количествѣ, мы заявляемъ свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ Казанскаго и Петербургскаго Университетовъ, считая дѣйствія со стороны администраціи этихъ учрежденій возмутительными, а мѣры насилія, принятія начальствомъ, варварскими и безчеловѣчными.

18 ноября. Въ видахъ возстановленія истинны, искаженной мѣстными охранительными органомъ (Кіевляниномъ) заявляемъ слѣдующее: 17 ноября, въ то время, когда полиція вторглась въ Университетъ, студенты обратились къ г. Почетителю съ требованіемъ удаленія изъ стѣнъ Университета полиціи, вовсе не спрашивая на то дозволенія полицеймейстера. Далѣе, на требованіе г. Почетителя общанія прекратить на будущее время всякія сходы, никто никакого общанія г. Почетителю не давалъ. Затѣмъ, когда требованіе студентовъ было удовлетворено, они разошлись, такъ какъ собственно въ этотъ день организованная сходка обстоитъ и не требовалось. Такимъ образомъ студенты сохранили за собой свободу дальнѣйшихъ дѣйствій.»

Между тѣмъ внѣшняя исторія сходы шла такимъ образомъ:

На сходку 16 нояб. явился было почетный, но ушелъ, ничего никому не сказавши, ни чего ни отъ кого не услышавши. Въ этотъ же день появились въ университетѣ гектографированныя прокламаціи отъ кіевской организаціи партіи «Народная Воля». Но прокламаціи эти не произвели никакого вліянія, ихъ почти никто не читалъ, такъ какъ студенты были слишкомъ въ напряженномъ состояніи по поводу факта съ присутствіемъ шпіоновъ въ сборной студенческой залѣ. Тамъ студенты разошлись, назначивъ сходку на 17 ноября. На сходку явилось человекъ 300. Председатель долго было расходился по аудиториямъ, какъ является одинъ студентъ и держитъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что студентамъ приличнѣе и честнѣе разойтись, чѣмъ быть выведенными полицією. Студенты встрѣтили хохотомъ такую рѣчь и ораторъ ушелъ въ одиночествѣ съ «честью». Между тѣмъ явился председатель сходы. Къ нему обратились съ упреками, за чѣмъ онъ собралъ сходку и не явился самъ. Председатель отвѣтилъ, что рѣшало-то нечего, такъ какъ въ прошлой сходкѣ приняты извѣстныя уже резолюціи, которыя по отгектографированіи будутъ посланы ректору, почетителю, министру администраціи, въ другіе университеты и распространены въ обществѣ. Студенты хотѣли уже разойтись, какъ послышались слова: «полиція идетъ!» Дѣйствительно полиція моментъ заняла всѣ выходы, при чемъ выходить изъ залы можно было, а входить нельзя.

Полиция была вооружена и въ громадномъ количествѣ. Послышались за тѣмъ крики: «войско пришло!» Студенты начали кричать: «полицію долой! войско долой!» Явился попечитель и началъ говорить, чтобы студенты разошлись, что онъ все забудетъ и не тронетъ ни одного студента за бывшіе до сихъ поръ безпорядки. Студенты отвѣчали свистомъ и требовали удаленія полиціи. Попечитель соглашается удалить полицію только въ томъ случаѣ, если студенты дадутъ слово не собираться больше. Но студенты отвѣчали, что такого слова они дать не могутъ, такъ какъ начальство само вызываетъ сходки. Сегодня, напр., сходки совсѣмъ не было, а полиціи явилась. Попечитель переговорилъ съ полицеймейстеромъ (Мастичкій), и полиція удалась, папугуемая хохотомъ и крикомъ. Нужно замѣтить, что во время сумятицы, вызванной входомъ въ университетъ полиціи, удалось отворить одніи двери, — и студентовъ нахлынуло цѣлыми сотнями, такъ что сборная зала и корридоръ буквально были запружены. Но, выгнавши полицію, студенты увидѣли около стѣнъ университета выстроенный въ боевой порядокъ батальонъ солдатъ, подъ предводительствомъ одного генерала. Студенты потребовали удаленія войска, въ противномъ случаѣ не желали расходиться. Попечитель отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ права удалить войска. Тогда ему отвѣтили, что имѣтъ же онъ право пригласить войска, — пусть теперь и отправитъ его обратно. Стукъ, свистъ, крикъ былъ всеобщій. Вся университетская площадь занята была громаднымъ стеченіемъ публики. Попечитель переговорилъ съ полицеймейстеромъ, командующимъ генераломъ — и войско церемониальнымъ маршемъ удалилось во-своисн, сопровождаемое свистомъ студентовъ. Во время переговоровъ студентовъ съ попечителемъ, командующій генералъ вздумалъ увѣщевать студентовъ, толпившихся по корридорамъ и у профессорскаго входа, но когда ему замѣтили, что не его дѣло увѣщевать, что не студенты сегодня собрали сходку, а солдаты ее вызвали, генералъ обидѣлся, что его заподозрѣваютъ въ грубости, въ желаніи осрамить студентовъ, — «я самъ, говорилъ онъ, имѣю двухъ сыновей въ университетѣ, горжусь этимъ, и не виновать что начальство возложило на меня тяжелую обязанность усмирять студентовъ». Эпизодъ этотъ мы привели для того, чтобы сопоставить его съ слѣдующимъ другимъ эпизодомъ. Какъ только войско и полиція удалились, — профессоръ Эрдгартъ упрекалъ попечителя за то, что тотъ удалил войска, что обошелся мягко со студентами; — это-де вызоветъ только новые безпорядки.

Послѣ сходки 17 ноября поднимались среди студентовъ вопросы о томъ, продолжать ли и дальше общія сходки, или же считать ихъ ненужными, а всѣ возникающіе вопросы по текущей жизни студенчества рѣшать по курсамъ. Назначена была сходка на 22 ноября, но не состоялась, такъ какъ въ Лыбедской части стояло наготовѣ войско. На сходкѣ этой между прочимъ предполагалось чтение новой редакціи студенческаго заявленія. На другой же день въ университетѣ собралось не болѣе 150 студентовъ, каковое количество признано недостаточнымъ для общей сходки. Нужно сказать, что въ эти

дни были заперты нѣкоторыя аудиторіи и сборная зала. Въ тотъ же день появилась въ университетѣ слѣдующая прокламація, не произведшая, однако, никакаго впечатлѣнія на собравшихся студентовъ. (Мы упоминаемъ о прокламаціяхъ и ихъ дѣйствіи на студентовъ потому, что многіе приписывали собрание сходки постороннему вліянію, чего въ дѣйствительности не было.)

Отъ Кіевской организации партіи

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» КІЕВСКИЕ СТУДЕНТЫ!

Вы разбили узкія, традиціонныя рамки студенческихъ требованій и вступили на широкое поприще общественныхъ интересовъ;

Вы поняли, наконецъ, что на почвѣ чисто-студенческихъ, чисто корпоративныхъ нуждъ вы — ничто, но вы спали — въ сознаніи своей солидарности съ порабожденнымъ русскимъ обществомъ.

Вы поняли это и рѣшились выступить, какъ общественная единица, какъ граждане своего отечества!

Привѣтъ-же вамъ, товарищи-граждане, на новомъ поприщѣ! И пусть сознаніе широты и величія теперешней вашей задачи вдохнетъ въ васъ мужество и рѣшимость не покидать начатаго вами столь славнаго дѣла!

Въ такомъ случаѣ мы всегда будемъ готовы протянуть вамъ руку братской помощи. Долой воровъ, плутовъ и тирановъ.

Кіевъ 1882 г. 22 ноября.

Кіевская Типографія партіи «НАРОДНАЯ ВОЛЯ» *)

Предполагавшееся къ чтенію на сходкѣ новое заявленіе гласило слѣдующее:

«Студенты Кіевского университета, возмущенные цѣлымъ рядомъ безобразныхъ фактовъ изъ отношеній большинства профессоровъ Кіевского университета къ студентамъ и къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, возмущенные безобразнымъ отношеніемъ начальства Казанскаго и Петербургскаго университетовъ къ справедливымъ требованіямъ своихъ студентовъ, собрались на общія сходки 16,

*) Если только эта прокламація не поддѣлка агентовъ-provokatorovъ, то она не обнаруживаетъ большого политическаго такта у кіевской секціи «партіи Н. В.» Для серьезной партіи политическаго переворота въ Россіи студенческія волненія могутъ быть только вредны, какъ преждевременная затрата силъ; общія гражданскія права не могутъ быть добыты волненіями въ стѣнахъ школы. (Въ Вѣнѣ въ 1848 г. студенты участвовали вмѣстѣ съ гражданами въ походѣ на дворецъ съ цѣлью добыть конституцію, но этотъ походъ, конечно, совсѣмъ не то, что русскія волненія въ школахъ). Вообще, если уже признавать пользу отъ студенческихъ демонстрацій въ Россіи, то даже съ обще-политической точки зрѣнія было бы гораздо практичнѣе если бы онѣ держались чисто академической почвы. Пусть бы студенты заявили критику (обстоятельную) теперешняго строя высшихъ школъ, инспекціи, профессорства, — потребовали бы академической свободы (въ частности, напр., противъ профессорско-гешефтеровъ, свободы доцентуры и записыванія студентовъ на курсы профессоровъ и т. п.). Если бы, такимъ образомъ, каждый элементъ русскаго населенія заявилъ свою критику и желанія относительно своихъ дѣлъ, — то, можетъ быть, больше было бы толку и въ общемъ ходѣ дѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, въ организаціи общаго протеста противъ теперешняго порядка. Что же касается до «руки братской помощи», которую изъявляютъ готовность протянуть студентамъ авторы кіевской прокламаціи, то трудно даже понять, какой реальный смыслъ въ ней заключается.

17 и 22-го ноября, на которыхъ порѣшили:

1) выразить полное сочувствіе казанскимъ и петербургскимъ студентамъ, начавшимъ движеніе по поводу университетскихъ и общественныхъ безобразій, деморализующихъ общество;

2) выразить полное порицаніе общественному строю, при которомъ возможны подобнаго рода деморализующія явленія;

3) выразить полное порицаніе ректору кіевского университета (проф. Рахманинову) за его возмутительныя дѣйствія, въ качествѣ председателя общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ;

4) предложить проф. Рахманинову оставить должность ректора университета и председательство въ обществѣ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ;

5) выразить полное порицаніе тѣмъ изъ большинства кіевскихъ профессоровъ, которые, забывъ назначеніе университета, какъ ученаго учрежденія, забывъ науку, предались банковымъ и инымъ гешефтамъ, а также тѣмъ, которые позорятъ званіе профессора другими безнравственными поступками. Имена такихъ профессоровъ всѣмъ извѣстны: Рененкампфъ, Сидоренко, Эрдгартъ, Шварцъ, Пихно и другіе менѣе откровенные гешефтвахеры;

6) Настоящія постановленія сходокъ гектографировать и немедленно разослать въ русскія и иностранныя (болѣе распространенныя) газеты, а также въ учебныя заведенія, административнымъ лицамъ и распространить среди публики.

Въ виду появляющихся въ «Кіевлянинѣ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ» искаженныхъ извѣстій о движеніи среди кіевскихъ студентовъ, считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее: ни ректоръ, ни проректоръ не являлись на сходки увѣщевать студентовъ; явившійся было 16 ноября на сходку попечитель учебнаго округа — ушелъ ни съ чѣмъ, такъ какъ ему не дали говорить и освистали. Призванные въ университетъ 17 ноября полиція и войска ушли не потому, что студенты дали обѣщаніе попечителю не собираться болѣе сходокъ, а потому, что студенты поставили условіемъ разойтись 17 ноября не ранѣе, какъ уйдетъ войско и полиція, — которыя дѣйствительно и ушли при наблюденіи громаднѣйшей толпы зрителей, папугуемые свистомъ и крикомъ студентовъ. Никакихъ обѣщаній студенты не давали попечителю, а напротивъ того прямо сказали, что будущее зависитъ въ немалой степени отъ поведенія университетскаго начальства. Сообщеніе о томъ, что будто-бы большинство студентовъ стоитъ за порядокъ — ложно: на сходкахъ участвовало до 700—800 студентовъ и всѣ они были крайне возмущены поведеніемъ университетскаго начальства, призвавшаго въ университетъ полицію и войска.

Въ виду ложныхъ, завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о движеніи студентовъ Кіевского университета, рѣшено составить подробную записку о событіяхъ въ университетѣ 15, 17, 22 ноября и о причинахъ, вызвавшихъ эти событія, — записку эту отпечатать или гектографировать и распространить въ обществѣ.

Сообщая обо всемъ этомъ своимъ товари-

шамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, сообщая обо всемъ этомъ русскому обществу, студенты Киевскаго университета считаютъ описанныя здѣсь свои дѣйствія соответствующими даннымъ условіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ и считаютъ себя въ правѣ надѣяться, что русское общество не на столько еще деморализовано, чтобы не оказать своего сочувствія движенію студентовъ. Дальнѣйшій ходъ событій въ Киевскомъ университетѣ будетъ вполне зависѣть отъ общихъ условій движенія въ другихъ университетахъ и главнымъ образомъ отъ тѣхъ мѣстныхъ причинъ, какія будутъ вліять на ходъ событій, — во всякомъ случаѣ студенты Киевскаго университета считаютъ себя вполне способными и нравственно обязанными до конца защищать свое достоинство, свою честь и стоять крѣпко за свои интересы.»

Мы сохранили самую полную объективность въ разсказѣ о движеніи студентовъ киевскаго университета въ первомъ полугодіи 1882/3 академическаго года. Чѣмъ вызвано это движеніе — это ясно изъ студенческихъ заявленій. Движеніе студентовъ было непредотвратимо, если бы даже не случилось раньше движеній въ Казанск., Петерб. и Харьк. университетахъ. Какіе же результаты движенія? Пока слѣдующіе: ректоръ пригласилъ къ себѣ выборныхъ представителей отъ студентовъ, засѣдавшихъ въ обществѣ всенормальствованія недостаточнымъ студентамъ, извинялся передъ ними, если сказалъ что въ засѣданіяхъ непріятное о студентахъ, называлъ себя другомъ студентовъ и заключилъ свою рѣчь словами: «не судите меня за слова, а за дѣла». Въ концѣ концовъ всѣ увѣрены, что профессоръ Рахманиновъ подалъ въ отставку отъ должности ректора университета.

На долго ли прекратилось движеніе студентовъ? На это генералъ-губернаторъ Дренгельсъ отвѣтилъ въ частномъ разговорѣ такъ: движеніе будетъ и начнется оно въ тотъ моментъ, когда студенты увидятъ на кафедрѣ доцента Пихна*).

Интересно участіе Дренгельсна «въ усмирении». Какъ только начались сходки, ректоръ явился къ Дренгельсу съ докладомъ и съ просьбой о помощи. «Я весь къ вашимъ услугамъ, — прикажите дать войско, — дамъ и войско». Университетское начальство сдѣлало такой приказъ, и войско явилось и... ушло по приказу же университетскаго начальства. Интересно, что ректоръ ни разу не посѣлъ явиться на сходку. Это впоследствии смущало и его самого, и онъ говорилъ представителямъ студентовъ: «не думайте, что я трусилъ, — нѣтъ, я входилъ совершенно спокойно на сходки въ 1000 — 2000 человекъ. Я не хотѣлъ незаслуженно подвергнуться оскорбленіямъ отъ неблагоуразумныхъ вашихъ товарищей.»

Послѣ одной изъ сходокъ нѣкоторые сту-

денты получили повѣстки явиться къ ректору. Ректоръ ставилъ имъ на видъ, чтобы они увѣщевали студентовъ не собираться на сходки. Нужно замѣтить, что призванные студенты всегда сидятъ дома и въ сходкахъ никакого участія не принимали. Вообще система запугиваній отдѣльныхъ лицъ практиковалась неоднократно въ текущемъ полугодіи по поводу различныхъ студенческихъ дѣлъ.

Отъ редакціи. Мы уже не разъ имѣли случай высказать нашъ взглядъ на студенческія волненія въ Россіи, непозбѣжныя при теперешнихъ академическихъ и политическихъ порядкахъ, но и безсильныя измѣнить ихъ. Теперь въ виду фактовъ о студенческихъ волненіяхъ въ Киевѣ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что волненія эти, кромѣ общихъ политическихъ причинъ, произошли еще отъ окончательнаго упадка уваженія студентовъ къ значительной части профессорской коллегіи, начиная съ ректора. Повидимому тутъ уже правительственная система ни при чемъ, — а виноваты сами профессора, — или даже автономные профессора, надъ которыми злорадно смѣются не одинъ г. Катковъ какъ видно, и кiev. генералъ-губернаторъ, который предоставляетъ въ распоряженіе «правительственной власти» власти университета свою военную силу, — но и либералы въ родѣ редакціи кievской «Зари», которая, въ виду негодности значительной части кievскаго университетскаго совѣта, даже съ удовольствіемъ ждетъ новаго устава, который не пощадитъ и той автономіи университетскихъ совѣтовъ, какая дана была имъ уставомъ 1863 г. А между тѣмъ кто знаетъ близко исторію, напр., кievскаго университета за послѣдніе 20 — 25 лѣтъ, тотъ можетъ документально показать, какъ деморализовался составъ кievскихъ профессоровъ подъ давленіемъ правительства, которое сначала сохранило въ совѣтѣ забаллотированныя посѣдними бездарности и интриганы, недопустило въ университетъ честныя научныя силы (въ родѣ, напр., Костомарова), превратило выборнаго ректора въ чиновника и начальника, который можетъ секретно споспѣвать съ министромъ и не допускать къ докладу предложеній членовъ совѣта, поощряло доношничество и всякую травлю противъ украинофильскаго направленія, обратившуюся затѣмъ въ травлю всего дѣйствительно научнаго, а не гешефтмахерскаго *). Конечно, будь индивидуумы кievскихъ профессоровъ нравственно крѣпче, они бы вынесли всѣ министерскіе подковы и сохра-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ Киевѣ противъ профессорскаго гешефтмахерства въ банкахъ, думахъ и т. п. первые выступили украинофилы, послѣ чего всѣхъ противниковъ этого гешефтмахерства и даже просто сторонящихся отъ него стали причислять къ украинофиламъ; этимъ объясняются всѣ недавнія забаллотировки въ кievскомъ университетѣ честныхъ ученыхъ, въ родѣ гг. Луцкаго, Житецкаго, Мищенка и промоція людей, въ родѣ г. Шварца, для котораго еще не очень давно сами гешефтеры и ихъ горланы, въ родѣ г. Эрдгарта, не находили достаточно темныхъ красокъ. Именно въ это время приглашенъ былъ въ доценты акушерства г. Толочинъ, который и былъ отмѣченъ, какъ пріемникъ пр. Матвѣева по директорству акушерской клиники. Но г. Т. не принялъ участія въ гешефтахъ, а въ добавокъ еще жена его была заподозрена въ авторствѣ романа, изображающаго кievскихъ дѣльцовъ дог. Буны исключительно. («Дѣло» 1879 г. «Горе побѣжденнымъ»). Вотъ г. Шварцъ и пошелъ въ ходъ.

нили бы чистоту храма наукъ, — но люди не ангелы, и правительственная система объясняется по столько, оп сколько она даетъ возможность дѣйствовать учрежденіямъ и при не ангельскомъ ихъ составѣ. Съ университетами въ Россіи правительственные реакціонеры продѣлали то же, что и съ земствами: сначала дали полуавтономію, потомъ урѣзали и ее прямыми и закулисными подкопами, выжили часть честнаго элемента, не допустили другую, деморализовали остальныхъ, — а потомъ сами же и издѣваются и даже занекиваютъ передъ общественнымъ мнѣніемъ автономію молъ служить только для гешефтеровъ, — нужна сильная и безпристрастная власть, которая поведетъ дѣло выгоды — для народа, для науки, для студентовъ. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что если тѣмъ автономіи университетскихъ совѣтовъ, при большой дозѣ вліянія реакціонной власти, довела профессорскія коллегіи до деморализаціи, а студенчество до волненій, которые оканчиваются высылками студентовъ десятками, то «сильная власть» по катковскому рецепту доведетъ наши высшія школы до полного разрушенія. Куда гнетъ эта власть, видно отчасти изъ словъ кievскаго ректора о бѣднѣяхъ въ университетѣ, изъ слуховъ объ увеличеніи платы студентовъ за ученіе да изъ предположеній увеличить расходы на инспекцію въ университетахъ съ семидесяти тысячъ на 104 (Боги! какъ бы удивились европейскіе профессора, еслибъ узнали, что въ бюджетъ ихъ храмовъ наукъ вносятся сотни тысячъ франковъ на полицію и шпионство за студентами!) Усиленная инспекція, конечно, дремать не будетъ, — и тогда то пойдетъ успешная очистка Россіи отъ студентовъ! Родители прпготовьтесь!...

Администраторы и судъ. Намъ сообщаютъ, изъ Киева 20 ноября, въ годовщину изданія студенческихъ уставовъ, мѣстные присяжные и не присяжные повѣренные, въ числѣ 22 человекъ (между ними былъ и временно гостившій въ Киевѣ Н. О. Плевако), задумали устроить маленькій домашній праздникъ. Собрались они въ одной изъ гостиницъ, заказали самый «интересный» ужинъ, но вдругъ появился *deus ex machina*: послѣдовало генералъ-губернаторское слово на ужинѣ. Напрасно юристы прибѣгли къ своему краснорѣчивому оружію, — красное, сѣрое, черное, — никакіе разумные доводы не могутъ поколебать его. Фактъ этотъ, конечно, произвелъ крайнее непріятное впечатлѣніе и послужилъ поводомъ къ самымъ разпорѣчивымъ толкамъ. Нѣтъ! Какъ хотите, а правительство наше не на шутку виднѣть кривошею въ судебныхъ учрежденіяхъ по уставамъ 1864 г.

Чѣмъ иначе, какъ не только подобнымъ воззрѣніемъ правительства на судъ можно объяснить слѣдующее распоряженіе директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній получить директоры о запрещеніи ученикамъ посѣщать циркъ и окрестныя судебныя учрежденія. Присланныя, послѣ двухъ замѣчаній, исключать изъ учебнаго заведенія ученика не исполняющаго этого правила *).

*) Въ распоряженіи этомъ есть зерно реальности, да только наши официальные педагоги — собственно полицейскіе чиновники, а не педагоги — по своему обыкновенію, сдѣлали изъ цирка полицейской. Въ судебныхъ учрежденіяхъ происходятъ сцены и раскрываются явленія, которыя дѣйствительно не педагогично показывать дѣтямъ, — и толковые наставники, равно какъ и

*) Университетское начальство тоже не было увѣрено въ прекращеніи движенія, — это видно между прочимъ и изъ того, что объявленная на 22 ноября докторская защита диссертации по философіи Н. Я. Грота отложена на неопредѣленное время изъ боязни большаго наплыва студентовъ и могущихъ возникнуть на диспутѣ излишнихъ овацій или недоразумѣній.